



## ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Они проваливались в пустоту между страницами мира, и скоро Фурии стало ясно, что падение слишком затянулось. Первые секунды всегда были самыми ужасными, неважно, шла ли речь о прыжке в нормальном мире или о переходах между убежищами. Переходы забирали больше сил, чем прыжки, и путешествие обязательно должно было заканчиваться в тех местах, где библиомант уже бывал. В отличие от прыжка здесь не было необходимости в конкретной книге, которая лежала бы наготове у цели перемещения. Но прыжок ли или переход, всё равно, общим для них было падение через страницы мира, через библиомантическое ничто, напоминающее космический вакуум. Они всегда сопровождалась таким чувством, словно тело расщепляется. Иной раз Фурия представляла себя в виде ускользающего призрака и боялась, что не сможет снова себя собрать.

Она потеряла Кэт из виду, но ощущала, что та где-то совсем рядом. В тот момент, когда они покидали Либрополис, казалось, их молекулы на секунду смешались, чтобы в пути опять сделаться двумя отдельными телами. Её разум пытался постичь этот невообразимый процесс расщепления, придать ему краски и очертания. Иногда она представляла себе страницы мира в виде полупрозрачных стен, расписанных буквами величиной с горы. Потом туда опускался туман из фиолетовых световых

точек, как будто она оказывалась в эпицентре гигантского холодного пламени.

Только несколько мгновений спустя смутные ощущения стали наконец понятны, а из хаоса явно проступили очертания окружающего мира. Падая всё ниже и ниже, Фурия различала исполинские сети, структура которых напоминала стрекозиные крылья, которые висели в пустоте, словно шторы, собранные по обеим сторонам некоего окна. Мерцающие золотом драпировки уходили в пропасть, создавая зыбкий образ организованного пространства. Внутри гигантской шахты, в которую они с сумасшедшей скоростью падали, достичь этих сетей, казалось, не представлялось никакой возможности. Но потом одна из них внезапно возникла так близко, что Фурия буквально ощутила её своей кожей, как паутину во время бабьего лета.

Она уже знала, что эти сети начинаешь воспринимать лишь тогда, когда привыкаешь к падению, когда ужас от падения переходит в блаженство парения в невесомости, ведь под ногами не видно земли. Здесь не было ни встречного ветра, ни развевающихся волос, ни даже шума в ушах.

После того как «картинка» вокруг Фурии стала более чёткой – целый мир призрачных золотых сетей, – она смогла наконец разглядеть Кэт. Та летела рядом с ней в пустоте, распластавшись, как парашютист, который вот-вот потянет за вытяжной трос парашюта. Ноги в лосинах в красно-белую полоску она немного подогнула, а руки раскинула. Фурия всё ещё держала Кэт за руку, но это был только жест. Они вместе пустились в это путешествие, вместе его и закончат, ведь разъединиться во время падения невозможно: если библиомант для перехода брал с собой обычного человека, вплоть до достижения цели они оставались единым целым. Разлучить их можно было только насильно.

– Мы скоро должны уже прибыть, ведь так? – крикнула Кэт.

– Да. Должны.

Поскольку между страницами мира звуки не водились, не было никакой необходимости вопить, чтобы понять друг друга. Но Кэт ничего не понимала в библиомантке, и хотя она уже совершила немало прыжков и преодолела пару переходов между убежищами, к этому состоянию так не привыкла.

Даже Фурии, несмотря на сноровку, в иные дни прыжки давались труднее, чем обычно. Над словами Кэт ей следовало бы серьёзно задуматься. Отец предостерегал её от невесомости во время библиомантических путешествий, точно так же, как предостерегала её Саммербель. После всего, что произошло, она, вероятно, допустила просчёт, какую-нибудь глупую оплошность, которая привела к тому, что Фурия с Кэт летят теперь на веки вечные в эту пропасть, позабытые между страницами мира, словно высохший лист в старой книге.

– Эй! – крикнула Кэт, показывая куда-то в сторону и вниз. – Вон там, видишь?

Фурия, шурясь, попыталась взглянуть в мерцающее золотое сияние. Только она хотела отрицательно покачать головой, как вдруг обнаружила тёмные точки. Там были и другие, парившие над пропастью, сквозь пустоту! Некоторые же из них не падали, а висели на мятых сетях, словно пауки в складках занавеси, и, крепко цепляясь за неё, ползли вверх.

– Это люди? – спросила Кэт.

– Трудно сказать.

– Чёрт, такие юркие! Как будто специально тренировались.

Фурия опять попыталась получше рассмотреть странные существа. Их было много, не меньше двадцати.

– Есть люди, которые обитают между страницами мира. Изгой. Книгозависимые.

Теперь Фурия ощутила нечто странное. Там, внизу, были не библиоманты, но, существа, как ей показалось, отмеченные библиомантикой. Их движения выдавали в них не людей, а в лучшем случае – человекоподобных. Некоторые из них ползли ловким зигзагом через ячейки в сети, словно ящерицы по стене.

И вдруг внезапно вернулось ощущение скоростного падения, ужас, которому нет конца. Разобравшись, что к чему, Фурия похолодела.

– Чернильные поганки! – прошептала она.

Лицо Кэт не дрогнуло. Она воскликнула:

– О мой Гёте!

– Ты же его в жизни не читала!

– Но мне нравится, как это звучит.

От кишачего dna их отделяло порядочное расстояние. Теперь существа принялись ритмично дёргаться, то вытягивая верхнюю часть туловища, то втягивая её обратно. До Фурии не сразу дошло, что они делали. Оказывается, существа приводили сеть в движение, раскачивая её взад-вперёд, так, чтобы в конце концов она пересекла траекторию падения девочек. Некоторые подняли головы и обратили на них взгляд. У Фурии выступил холодный пот.

– Ты слыхала о чернильных поганках?

Кэт скривилась:

– Совсем немного. Наши истребляли их в ночных убежищах. Но некоторым из них удалось укрыться между страницами.

– Мой отец упоминал о них, но никогда не рассказывал ничего определённого. Он считал, что детям от этого будут сниться кошмары.

– И это всё?

– Они прикончат нас. Но сначала подвергнут всяким пыткам, чтобы получить удовольствие.

– Они хитрые?

– Они выдумщики. Изобретательные!

Кэт побледнела и замолчала.

Академия наложила строгое вето на любые известия, касавшиеся ночных убежищ. За сорок лет официально не было издано ни одной книги о войне. Предполагают, что существовали тайные публикации, распространяемые в Либрополисе из-под полы, но ни одна из них не попала в резиденцию. По крайней мере, не на те полки, которые знала Фурия. Наверное, ей стоило получше прислушаться к Целестину, отчиму Изида, забавлявшему их своими древними историями про войну. Но и он вряд ли рассказывал о поганках. И уж точно не о том, что они творят с людьми, попавшими в их лапы. Некоторые воспоминания были слишком болезненными даже для ветерана ночных убежищ.

Фурия и Кэт падали дальше с головокружительной скоростью. Расстояние до того места, где их поджидали поганки, сокращалось с каждой секундой. Ещё немного – и они окажутся на одной высоте с ними.

– И знаешь, что самое ужасное? – заговорила Кэт.

– Что мы умрём?

– Нет. Что я не сказала Финниану, как я рада его снова увидеть. *«Кажется, я отбила себе задницу»*, – всё, что я успела ему сказать. И я его знаю: именно эти слова он упомянет в своей траурной речи.

– Смотри на всё позитивно. Если поганки нас замучают и сожрут, такую траурную речь сочтут не очень постыдной.

Между тем отвратительные создания так сильно раскатали свои сети, что легко зацепили бы Фурию и Кэт, продолжив они своё падение. Очевидно, у чернильных поганок был богатый опыт в отлове путешественников. Сети отдалялись, снова приближались, опять отдалялись, возвращались обратно, вперёд-назад...

– Они в этом не новички, – заметила Кэт.

Фурия раскинула руки и ноги как можно шире, чтобы управлять падением, но что-то она сделала неправильно, и совершив двойной кульбит, вдруг перевернулась на спину, и потоком воздуха её сложило пополам. Кэт ухватила её за руку, дёрнула к себе, пытаясь помочь принять более удобное положение. Но в итоге обе беспомощно забарахтались, как в невесомости.

– Можешь унести нас отсюда? – спросила Кэт, запыхавшись.

– Открыть ещё один переход, всё равно куда? – Фурия покачала головой. – Такого я ещё никогда не проделывала. Не знаю, возможно ли это вообще.

В правой руке она всё ещё сжимала сердечную книгу. Ключ вцепился ей в рукав. Теперь из него вырывались клокочущие звуки: он пыжился что-то сказать, при этом не размыкая ключ.

– Мжн...

– Чего?

– Взмжн...

– Да говори ты внятно!

Нехотя книга отцепилась и, выпалив три слога: «Возмож-но!» – опять крепко закусил ключ.

– Вот видишь! – крикнула ей Кэт. – Давай попробуем!

Поганки больше не карабкались наверх. Они бесшумно поднимали и опускали туловища в едином ритме. Тёмные силуэты постепенно стали принимать форму конкретных фигур, покрытых пятнистой кожей с чёрными и тёмно-синими пятнами, которые дрожали и расплывались на их телах, словно цветная слизь на воде. Именно потому, наткнувшись на них впервые в ночных убежищах, библиоманты прозвали их чернильными поганками. Это были беспощадные рабы врага, сведений о котором было ещё меньше, чем о его сторонниках.

Отразив натиск поганок, библиоманты покинули ночные убежища и уничтожили все подступы к ним. То, что

Изида полгода назад открыла переход туда, дабы отправить в ссылку Зибенштерна, было подтверждением её неизменной мощи, гораздо большей, чем Фурия могла себе вообразить. Едва ли кому-нибудь ещё было такое под силу.

Сеть снова качнулась к ней. И снова назад и вперёд.

– Да сделай же что-нибудь! – крикнула Кэт срывающимся голосом.

– Взм-взмж-взм... – гундосил клюв.

Фурия с проклятиями бросила руку Кэт и отцепила петушиную книгу от своего рукава.

– Да говори же, что мне делать! И внятно!

– Ровно ничего! – завизжала петушинная книга.

Сеть снова приблизилась. Через несколько минут они окажутся в гуще поганок. Первые из них уже простёрли к ним руки. Фурия могла различить омерзительные морды.

– Как это – ничего? – спросила она в замешательстве. – Ты ведь должна...

И вдруг она почувствовала, как внутри неё что-то начало разрываться и тянуть, словно душа с телом раставалась, и одновременно ощутила то, что она сливается с летящей Кэт.

– Мы здесь... – Последнее, что услышала Фурия, было кряканье петушиной книги.

А потом – тишина.

Вспыхнул фиолетовый свет, окружив их прозрачной сферой. Сквозь её сияние Фурия видела приблизившихся поганок: двадцать, может, тридцать, с вытянутыми вверх руками, с разинутыми чёрными ртами. Но внезапно свет обернулся тьмой, Фурия и Кэт приземлились на камень. Кэт завопила, петушинная книга – ещё сильнее. Только Фурия не издала ни звука. Рядом с ней из полутьмы проступил контур забитого книгами стеллажа. Прежде чем её разум дал отбой тревоги, она уловила знакомый запах, самый прекрасный запах на земле. Они дома, в библиотеке имения Ферфаксов.